

Отзыв официального оппонента о диссертации
Григорьевой Наталии Евгеньевны

на тему
«ЭТНОНИМЫ В ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ
СИСТЕМЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПСКОВСКИХ ГОВОРОВ)»,

представленной на соискание ученой степени
кандидата филологических наук
по специальности 10.02.01 — русский язык

Актуальность темы. Диссертация Наталии Евгеньевны Григорьевой посвящена изучению сложного феномена — отражению этнического самосознания в языке, определяющего формирование корпуса этнотипов и микроэтнотипов в диалектной лексико-семантической системе. Безусловную **актуальность** исследования определяет, во-первых, этнолингвистический подход, сочетающий проблематику этнологии и филологии. Поскольку объектом исследования являются этнотипы, автор закономерно обращается к проблеме этноса, проблеме, всегда стоявшей в науке очень остро: изучение этносов было и остается очень сложным и зачастую политизированным. При этом важнейшую роль для выделения этноса играет самосознание, то, как люди сами определяют себя и других. Тем самым проблематика изучения этноса основана прежде всего на анализе языкового материала, что делает работу лингвиста на эту тему особенно важной. Вторым фактором, определяющим актуальность работы, является системное изучение языковых явлений. Подробный анализ этнотипов в лексико-семантической системе, а также наблюдения за их функционированием в речи позволили автору сделать объективные выводы об отражении в языке этнического самосознания, об отношении людей к своему и другим этносам, формировании культурно-исторической памяти региона, установить универсальные и локальные оппозиции в языковом сознании говорящих.

Научная новизна и практическая значимость исследования. Научная новизна исследования обусловлена прежде всего его материалом: в основу диссертации лег достаточно большой массив данных, составивший этнотипикон псковских говоров. Особенностью региона, язык которого стал объектом исследования, является его пограничное положение, определившее этнически пестрый состав населения, обилие языковых и этнических контактов. На формирование системы этнотипов и микроэтнотипов повлияли и историческое прошлое, и недавняя советская эпоха. С уверенностью можно

сказать, что эти данные давно нуждались в осмыслении. Богатый языковой материал, рассмотренный автором, отражает как исторические и социальные процессы в обществе, так и языковые процессы, характерные для языкового континуума данной территории. Однако возникает вопрос: почему автор ограничился анализом материала словарей и картотек и не провел собственное полевое исследование (например, в форме небольших интервью). Такое исследование, возможно, могло бы заполнить некоторые пустующие ячейки в этнонимической структуре, которые были обнаружены в ходе анализа материала.

Кроме того, автором **впервые** на материале псковских говоров сформировано этнонимическое поле и исследована его структура, что дополняет лингвистическую теорию поля; разработана оригинальная методика описания этнонимического материала. Таким образом, диссертационное исследование вносит вклад в этно- и антрополингвистику, теоретически обогащает лексикологию и диалектологию русского языка. Отдельно хотелось бы отметить **практическую значимость** диссертации, особенно в аспекте развития туристической концепции региона. Также работа содержит исторические реконструкции, которые важны для изучения истории псковского края и псковских говоров. Кроме того, в Приложении 3 представлены модели словарных статей для электронного регионального этнолингвистического словаря «Традиционный мир псковских крестьян», что обогащает диалектную лексикографию.

Обоснованность и достоверность научных положений и выводов. Обоснованность и достоверность полученных результатов обусловлена применением в диссертации широкого спектра методов: метода этнолингвистического анализа, метода наблюдения и описания языковых фактов, системно-структурного метода, а также элементов сравнительно-исторического и сопоставительного методов. Результаты диссертационной работы докладывались и обсуждались на многочисленных межвузовских и международных научных конференциях и научных семинарах.

Краткая характеристика основного содержания диссертации и замечания по работе.

Структура диссертационного исследования соответствует поставленным автором задачам. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списков использованной литературы, словарей и источников, а также трех приложений. Во Введении сформулированы проблематика и все необходимые предпосылки научной работы, задающие ее высокий уровень. В первой главе автор обращается к научной дискуссии по проблеме этнонимии и формулирует собственный терминологический аппарат. В второй и третьей

главах проводится исследование соответственно системы этнонимов и системы региональных микроэтнонимов. В Заключении обобщаются результаты работы.

Большую **теоретическую значимость**, несомненно, имеет Глава 1. В ней обобщена научная дискуссия по проблемам этнонимии, обоснована лингвокультурная значимость этнонимов, рассмотрена проблема соотнесенности этнонима с называемым объектом. Единственное, что теоретический обзор могли бы очень украсить примеры из работ исследователей (с примерами многие выводы ученых воспринимались бы понятнее). Далее показано соотношение этнографии, этнологии и место лингвистики в связи с этими дисциплинами, рассмотрено понятие этнографизма и приводится связанная с этим термином дискуссия, разработаны основания рассмотрения этнонимов на стыке с этнографической лексикой. Чтобы включить этнонимы в состав этнографической лексики, автору пришлось расширить ее понимание, показав условность деления культуры на материальную и духовную, поскольку этнонимы находятся как раз на границе, означая одновременно и материальный объект, и определенные представления, стереотипы и т.п. — некую абстракцию, возможно, не имеющую материального выражения, но транслируемую как один из элементов культурной традиции.

Далее автор рассматривает классификации этнонимов — в основном предложенные этнографами, поскольку лингвисты, а особенно диалектологи таких классификаций не выстраивали. В конце параграфа автор предлагает свою классификацию этнонимов, выведенную из особенностей материала и опирающуюся на лингвистические основания (*этнонимы, региональные этнонимы и микроэтнонимы*).

Интересным аспектом этнонимической проблематики, рассмотренным автором в Главе 1, является соотношение этнонимов и имен собственных. Автор выбирает в качестве рабочей гипотезу В.И. Супруна, согласно которой «в структуре этнонима может наблюдаться апеллятивно-онимическое взаимодействие» (с. 18). Жаль, что автор к этому больше не возвращается, хотя в Главе 3, где описаны микроэтнонимы, встречаются такого рода пограничные случаи. Так, например, заслуживают внимания контексты, где микроэтноним употребляется по отношению к конкретному лицу: *Вáська, скабáрь, был пастухóм. Слан.* (с. 138); *Латышá Кувýрканцым звáли. Ён фсё мешáе рúские и латýшские славá. Пыт.* (с. 162); *Я тоже кайкун, прозвали так: я и полатышски умею. Печ.* (с. 163). Кроме того, в контексте: *Тáмыча мóжна назвáть бялянкай – белую курóву, цыганка – чёрная курóва.* (с. 68) — номинация *цыганка* скорее находится на границе апеллятива и имени

собственного (клички), а не означает породу, выведенную в другом государстве. Точно так же вряд ли можно считать полноценным ксенонимом слово **полувёрка** ‘корова, купленная у сету’ — скорее это шутливое употребление, т.к. вряд ли сету занимались выведением особой породы коров (с. 132).

В Главе 2 предложены основания для рассмотрения группы этнонимов в качестве этнонимического поля, представляющего собой иерархическую структуру этнонаименований (с. 42). Автором выделена ядерно-периферийная организация этнонимических единиц, обусловленная строгой иерархией, включающей в себя неравнозначные компоненты: ядро, околовядерное пространство (в отдельных случаях субъядерная зона) и периферия. Рассмотрение этнонимов в виде полярной структуры вносит значительный вклад в теорию поля, поскольку данное структурное образование имеет свои особенности, связанные, прежде всего, с отношениями противопоставления, оппозитивностью его единиц. Описана не только структура поля, но показан и его динамический потенциал. Так, выявлены случаи омонимии, что не противоречит структуре этнонимического поля, включающей в себя, помимо синонимии, антонимии, также явления полисемии и ее распад, приводящий к омонимизации (с. 77). Показаны процессы параллельного формирования лексем в общем процессе деэтнонимизации.

В структуре поля выделено несколько субъядер, причем, по словам автора, «выделяемые субъядра могут быть неоднородны по статусу, и, возможно, не всегда заполняемы» (с. 42, 116). Автор неоднократно указывает на лакуны в структуре поля: «Типичная для одного этнонимикона гендерная противоположность (*латыш / латышка; чухонец / чухонка* и др.) не обнаружена в другом этнонимиконе (*литовец / ?*)». (с. 177). Однако сложно предположить, что жители Псковской области не употребляют этнонимов *литовка* или *белоруска* — скорее, эти наименования просто не попали в поле зрения собирателей. Таким образом, проблема заполняемости ядер во многом связана с отсутствием материала, поскольку «Псковский областной словарь с историческими данными» и его Картотека, послужившие источниками материала, не исчерпывают лексический состав говоров, а специального исследования не проводилось.

Вызывает некоторые вопросы и отбор ядерных этнонимов. В начале Главы 2 автор перечисляет названия этносов, которые становятся предметом изучения: *русские, белорусы, латши (латвийцы), литовцы (литва), эстонцы (чудь, чухна)* (с. 45). При этом в выводах, заключающих данную главу, доминирующими словами-этнонимами в структуре псковского этнонимикона признаны лексемы: *русские, латши, эстонцы, чудь, чухна; литва, немцы* (с.

117). Почему этноним *белорусы* не вошел в ядро этнонимикона? Также могло бы быть интересным более полное рассмотрение этнонимов *евреи* и *цыгане*.

В Главе 2 подробно рассмотрена важнейшая функция этнонимикона — отличие своего от чужого. Хорошо аргументирована и другая важная особенность этнонимов — их стереотипизированность, причем чем более абстрактным воспринимается этническое образование, тем сильнее пейоративные коннотации у соответствующего этнонаима, что хорошо показано на примере слова *литва*. Как справедливо подчеркивает автор, «оформление этнонимов в виде собирательного существительного отражает восприятие информантом соответствующего этноса в виде некоего нерасчлененного единства, что характерно для номинации чуждого» (с. 65). Тем не менее, не всегда можно согласиться с автором относительно оппозиционных противопоставлений, выраженных этнонимами и словами, образованными от них. Так, например, на с. 60 автор замечает, что «Номинации музыкальных инструментов... также имеют антонимичные отэтнонимные образования». Во-первых, вызывает вопрос использование термина *антонимичные* (лучше сказать: оппозитивные), и, во-вторых, материал оппозиции не показывает, это просто разновидности гармоней, если они и противопоставлены, то не по производящему этнониму, а по собственно их устройству: *Тальянки* *стали* *никогда*, *а были русские ризухи*, *гармоны*. Пск. С восьм^и лет начал играть (на гармошке): *тальянки* были, патом паявились немецкие. Стр., Играли на гармоны: пёрвъ рязухъ звáли, патом гармонь, патом *тальянкъ*, мόжъ како́й строй, я ня знаю. Печ. (с. 60-61). Вообще же отэтнонимическая этнографическая лексика описана подробно и содержит ряд важных наблюдений. Согласна с автором, что хотя слово *литовка* 'кося', вполне вероятно, этимологически восходит к глаголу *лить*, однако наличие отэтнонимических наименований другой утвари влияет на восприятие этого слова как именно этнономинации.

Структура этнонимического поля хорошо коррелирует с реальными этническими и культурными контактами жителей Псковщины и отражает культурно-историческую память общности, а также другие представления диалектоносителей, в частности, о наследовании национальности в случае смешанного брака. Так, в высказываниях: У няё сын уехал у Кóмию, и сястра у Кóмий живёт; с нéю мáльчик яё, *латышóк*. Пуст.; А Тóня-та хóдит *ибриёночка* нóсит. Дед. [Русские женщины] заимéли детéй от китáйцéф, *китайта* павýрасли, аднí пацаны, шляпанóсье, нос у их ляпёшкай. Пуст. (с. 70-71) этноним, называющий чьего-л. ребенка, отражает скрытое противопоставление национальности ребенка/его отца и матери/жены (предполагается, что национальность наследуется от отца). Таким образом,

соответствующие аффиксы имеют не только значение невзрослости (характерное для общерусской модели), как это указано в работе (с. 71), но и значение, которое можно было бы назвать «патроэтнонимическим», характерное для диалектов.

Материал работы — единицы, входящие в этнонимическое поле — ярко высвечивает вопрос и о статусе современных диалектов, их соотношении с другими диалектами и литературным языком. В этом отношении вызывает интерес выражение «*Мой отец этнический эстонец*» (с. 81). Что такое *этнический эстонец* — по происхождению, но не по языку и культуре? — и почему это выражение, напоминающее скорее штамп делового языка, употребляется в речи носителя диалекта? Кроме того, влиянием литературного языка можно было бы объяснить большую или меньшую степень вариативности лексем, входящих в поле (ср. этнонимы *эстонец* и *чухна/чухня/чухно*). Лексема *русьманьский*, зафиксированная на территории Эстонии, возможно, относится к лексикону русских говоров Эстонии (а, возможно, и староверов Эстонии): *В Расéу русъманьский разговóр, а у нас иногорóцкий, зарубéжный*. Эст. (с. 49). Генетически русские говоры Эстонии — это псковские говоры, но такого рода материал позволяет говорить о возможности их выделения на основе самосознания. Отмечу, что высказанные соображения показывают хорошую научную перспективу работы и возможности дальнейшей разработки данной темы.

В Главе 3 рассмотрены закрепившиеся наименования групп жителей, определенные термином *микроэтнонимы*. Данное явление, фрагментарно рассмотренное в работах многих исследователей, также требовало своего системного и терминологически определенного описания, в особенности потому, что, как показывает языковой материал исследуемой территории, выделение социально-территориальных групп внутри этноса — явление уходящее (как справедливо указывает автор, «архаический пласт псковских говоров», с. 134). Не случайно в данной главе автор рассматривает псковский микроэтнонимикон на широком диалектном фоне. Привлекает логика, согласно которой выстроена классификация анализируемых единиц в этой главе. В основу структуры этнонимикона были положены мотивационные признаки микроэтнономинаций, что позволило автору ярко раскрыть речевую презентацию традиционной культуры. Однако не совсем ясным остается место микроэтнонимов в системе этнонимической лексики (а именно так называется Глава 3), ведь классификация этнонимов и микроэтнонимов проводится по разным основаниям — хотя, безусловно, структурно они связаны. Возможно, более четкому представлению связей могла бы способствовать визуализация данных (картишка, схема). Кроме того,

системные связи этно- и микроэтнонимов могут проявиться в словарных статьях: например, на слова *белорусы*, *поляки*, *русы*. Контексты, в которых функционируют микроэтнонимы, ярко отражают оппозицию «мы / они», «свой / чужой», однако встречаются ситуации, когда микроэтноним употребляется говорящими по отношению к самим себе. Существует ли какая-то связь между типом микроэтнонима и возможностью такого употребления, или подобное явление определяется ситуацией диалектной записи?

Несколько частных замечаний касаются, наверное, самого сложного аспекта лингвистических исследований — толкования семантики языковых единиц. Так, на наш взгляд, при цитировании материалов из словарей или картотек иногда лучше не повторять приведенное там толкование, а предложить свое, избегая при этом этнономинации (русáни ‘сани-финки’ Дн. КПОС, с. 56), поскольку такое толкование не раскрывает значения слова. Не всегда даны толкования лексем, входящих в изучаемое поле (хотя в тексте они выделены автором жирным шрифтом): *Пирéисты, был явréй, а тирикрястíлся в русскую вéру.* Локн. (с. 63); *Кацáпский язы́к карлáвый, а кацáп чужёе и цап.* Нев. (с. 62). Кроме того, необходимо различать разные значения этнонимов в контекстах, от чего может сильно зависеть интерпретация оценочной составляющей лексем. Так, в сочетании (*быть*) в *нéмцах* ‘находиться в заключении в немецком концентрационном лагере’: *Мы как узники, три гóда были в нéмцах.* Стр. (с. 107), а также в цитатах: *Эстонцы, финны, а особенно эстонцы, латыши, страшнее были немцев, вот.* Порх. (с. 79-80); *Чухны́ приéхали на парахóдах и сажгли́ фсё* (с. 110) значение этнонимов — не просто ‘представители какого-либо этноса’, а ‘представители вражеской армии’, что определяет отрицательное отношение к ним. Там более, что в соответствующем разделе (2.7.1.) семантика этнонимов *немец*, *германец* описана очень последовательно, и жаль, что это распространяется не на все контексты.

Общее заключение по работе.

В целом диссертация Н.Е. Григорьевой является законченным исследованием, представляет решение актуальных задач, объединенных общим подходом. Работа написана хорошим научным языком и ясным стилем. Диссертация провоцирует научную дискуссию: по ходу чтения текста возникает множество идей и предложений, что также говорит о высокой актуальности и перспективности выбранной темы; указанные замечания не снижают значимости полученных результатов. Считаю, что данное исследование может занять достойное место в кругу исследований по диалектологии и этнолингвистике, продолжая богатую традицию изучения

псковских говоров. Автореферат достаточно полно отражает основное содержание диссертации. Кроме того, широкая аprobация работы (15 научных работ, из них 3 статьи в рецензируемых журналах, включенных ВАК в перечень ведущих периодических изданий) показывает, что перед нами вполне сложившийся исследователь. Уровень решаемых задач соответствует требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Диссертационное исследование Григорьевой Натальи Евгеньевны является завершенной научно-квалификационной работой, которая тематически соответствует паспорту специальности 10.02.01 — русский язык, а по критериям актуальности, научной новизны, обоснованности и достоверности выводов отвечает требованиям, установленным в п. 9 «Положения о присуждении ученых степеней» в редакции Постановления Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842. Автор диссертации, Наталья Евгеньевна Григорьева, заслуживает присуждения ей ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.01 — русский язык.

16.11.2020 г.

кандидат филологических наук (10.02.01 — русский язык),
старший научный сотрудник

Федерального государственного бюджетного учреждения науки
«Институт лингвистических исследований

РАН»

Пурицкая Елизавета Владиславовна

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт лингвистических исследований Российской академии наук

Адрес: Тучков пер., д. 9, Санкт-Петербург, 199004

Телефон: +7911-004-06-03

Электронный адрес: purichi@list.ru

